

Ольга Богданова

К истории крымских ‘литературных гнезд’ начала XX века: письма В.Л. Комаровича к М.А. Волошину

On the History of the Crimean ‘Literary Nests’ at the Beginning of the Twentieth Century: Letters from Vasilii Komarovich to Maksimilian Voloshin

The present article includes two letters and a postcard found in the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences which were written by the outstanding literary critic and textologist Vasilii Komarovich to the famous symbolist poet Maksimilian Voloshin. These texts are published in their entirety for the first time. They enrich the idea of Koktebel’ as a cultural *locus* which played a decisive role in the creative path of many writers, poets, artists and scientists of the first half of the XX century. They also clarify the circumstances of the creation of the poetic masterpieces by Voloshin and of Komarovich’s literary texts, the relationship between which is now understood more clearly. A geocultural approach allows us to see the estate-summer cottage complex of Koktebel’ as the cultural mycelium of the first decades of the XX century – it gave the world enduring fruits of artistic creativity and of the humanities.

Усадебно-дачное освоение Крыма русской литературно-художественной элитой в XIX–XX вв. пока еще недостаточно исследованная страница истории отечественной культуры. В начале XX в. здесь существовали три наиболее известных ‘литературных гнезда’ – дом А.П. Чехова в окрестностях Ялты, усадьба А.К. Герцык на окраине Судака, дача М.А. Во-

лошина в Коктебеле. Вокруг каждого из них сложился определенный литературно-художественный и литературно-философский круг со своим житнетворческим стилем, традициями и предпочтениями. Помимо этого, в крымских усадьбах и дачных домах в 1900–1910-е гг. периодически жили и творили Л.Н. Толстой, А.М. Горький, И.А. Бунин,

А.И. Куприн, И.С. Шмелев, С.Н. Сергеев-Ценский, С.Н. Булгаков, М.И. Цветаева и многие-многие другие. В данной работе нас будет интересовать история 'литературного гнезда', свитого в Коктебеле выдающимся русским поэтом-символистом и художником М.А. Волошиным (1877–1932). В гостеприимном доме Макса, как его называли домашние, соседи и многочисленные гости, в 1910–1920-х гг. побывали В.Я. Брюсов, М.И. Цветаева, В.В. Хлебников, О.Э. Мандельштам, А.Н. Толстой, Н.С. Гумилев, В.Ф. Ходасевич, Андрей Белый и десятки других деятелей отечественной культуры. В истории русской литературы его имя и судьба неразрывно связаны с Коктебелем, однако попал туда уроженец Киева и юный житель Москвы не сразу, а только в 16-летнем возрасте, благодаря изменениям в своей семье. Мать Максимилиана, Е.О. Кириенко-Волошина, потеряв в 1881 г. мужа, в 1890 г. вступила в гражданский брак с московским врачом П.П. фон Тешем (1842–1908), купившим у своего коллеги и пациента Э.А. Юнге участок земли в дикой тогда татарско-болгарской деревне Коктебель Феодосийского уезда. Вслед за ним она вместе с сыном-гимназистом летом

1893 г. переехала на постоянное жительство в Крым. В ноябре того же года фактический отчим Волошина закончил в некотором отдалении от моря строительство собственного дома на высоком холме, окруженного виноградником с винодельней, где первоначально поселилась его новая семья¹. Это была усадьба особого типа. С одной стороны, круглогодичное проживание, солидное виноградарское и винодельческое хозяйство в соединении с широкой благотворительностью по отношению к коренному местному населению (См.: Жарков 2008: 43, 47) и богатой культурной жизнью: чтением, музицированием, переводами иностранных авторов, занятиями журналистикой, прогулками и путешествиями с научно-познавательной целью, обществом просвещенных гостей. "Теш был человек европейски образованный, говоривш<ий> на европейск<их> языках и в высшей степени владевший

¹ Впоследствии отношения между П.П. фон Тешем и Е.О. Кириенко-Волошиной осложнились, и в 1901 г. она построила для себя и своей матери Н.Г. Глазер отдельный небольшой дом ближе к морскому берегу (См.: Волошин 2009: 443, 548, 581).

искусством ‘эристики’², – читаем в мемуарных записях Волошина 1932 г. (Волошин 2008: 356). С другой – сравнительная скромность жилища, необходимость личного хозяйственного труда, сезонный приток дачников, обеспеченный открывшейся в 1892 г. Феодосийской железной дорогой, – на него-то со временем и переместились экономические интересы владельцев. В жизни пасынка фон Теш сыграл значительную и в целом положительную роль, оставив о себе добрые воспоминания.

Однако помимо Волошиных, у Павла Павловича была большая семья от первого, законного брака – четыре дочери: Елена, Маргарита, Софья и Евгения, постоянное дружески-родственное общение с которыми сопровождало Максимилиана с юности. Особенно сдружился он в коктебельские годы с Еленой фон Теш-Паскиной, которая в 1907 г. переехала с детьми на постоянное жительство к отцу, помогала ему по хозяйству, а после его смерти в 1908 г. открыла в Коктебеле первую аптеку и столовую в бывшей винодельне фон Теша, где часто обедал и Максимилиан Алек-

² Эристика – искусство спора, диспута и полемики у древнегреческих софистов.

сандрович (См.: Волошин 2008: 48).

Корни первой семьи Павла Павловича тянулись из Нижнего Новгорода, родины его жены Л.С. Муравьевой, принадлежавшей к старинному русскому дворянскому роду, давшему как известных декабристов, так и государственных деятелей³. В 1892 г. одна из их дочерей Маргарита вышла замуж за нижегородского глазного врача Л.В. Комаровича, из ссыльных поляков, который, судя по дневниковой записи, юному Максимилиану “понравился” (Волошин 2008: 65). Именно ей после смерти отца достался просторный дом “на горе”, судьбой которого Волошин интересовался в письме к матери из Парижа от

³ Имеются в виду: Н.М. Муравьев (1796–1843) – участник Отечественной войны 1812–1814 гг., затем видный декабрист, один из руководителей Северного тайного общества, автор проекта “Конституции”, в 1826 г. отправленный в Сибирь на каторгу и последующее поселение; А.Н. Муравьев (1792–1863) – участник Отечественной войны 1812–1814 гг., один из основателей декабристского движения, впоследствии Нижегородский военный губернатор, сенатор; М.Н. Муравьев-Виленский (1796–1866) – участник Отечественной войны 1812–1814 гг., видный государственный, общественный и военный деятель Российской империи эпох Николая I и Александра II, известный как усмиритель польского восстания 1863 г.

20 ноября (1 октября) 1908 г.: “Какие последствия имела в Коктебеле смерть Павла Павловича? Кому теперь принадлежит его земля? Кто будет жить в его доме?” (Волошин 2010: 390). К тому времени у М.П. фон Теш-Комарович было уже пятеро детей, старший из которых – будущий известный литературовед В.Л. Комарович. Скажем о нем несколько слов.

Василий Леонидович Комарович (1894–1942) – выдающийся исследователь творчества Ф.М. Достоевского, один из зачинателей российской текстологии, открывший несколько ранее неизвестных текстов писателя, в частности один из списков неизданной главы романа *Бесы – У Тихона*. Новизна и глубина проблематики его работ сочетаются с широтой историко-культурного фона ее рассмотрения. Исследователю удалось показать взаимную обусловленность и трагическую противоречивость пневматологии, психологии, идеологии и поэтики Достоевского в их единстве. Комарович – один из пионеров (наряду с Н.К. Пиксановым) телеогенетического метода в литературоведении, суть которого – в изучении эволюции замысла конкретного произведения по рукопис-

ным и печатным редакциям исходя из “целесообразности” всех художественных элементов для передачи определенного идейно-эстетического задания. Также он по-своему предварил знаменитую концепцию “полифонического романа” М.М. Бахтина, однако полифония у него не диалог “живых образов идей” персонажей и рассказчиков, а взаимоотношение их индивидуальных волей, разными путями вливающих (или не вливающих) в “сверхэмпирическое” единство. Большая часть наследия замечательного ученого опубликована в редких изданиях конца 1910–1920-х гг. и с тех пор ни разу не переиздавалась. Его хорошо известные на Западе немецкоязычные работы (в первую очередь, *Первообраз “Братьев Карамазовых”*) еще ждут публикации в переводе на русский язык. Первое отдельное издание трудов Комаровича о Достоевском вскоре должно увидеть свет в издательстве Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.

Итак, после получения наследства фон Теша семья Комаровичей почти каждое лето проводила в Коктебеле, часто по-родственному встречаясь с Волошиным. Младший

брат Комаровича Леонид вспоминал: “Макс появлялся у нас на горе, навещал мать, вел литературные беседы со старшим братом Василием”⁴. Хотя между литературоведом и поэтом была значительная разница в возрасте, они, по сути дела, были членами одной семьи: ведь родной дед Василия Леонидовича по материнской линии приходился Максимилиану Александровичу фактическим отчимом.

Часть зимы 1917–1918 гг., возможно в связи с революционными событиями, Комарович провел в своем коктебельском доме, приехав туда прямо из Москвы, где в ноябре–декабре 1917 г. по письменному разрешению А.Г. Достоевской, уже переселившейся к тому времени в Ялту, изучал в Историческом музее рукописи Достоевского (Подробнее см.: Богданова 2014). Посещая Комаровича почти каждый вечер, Волошин читал молодому человеку сочиненные за день стихи из цикла *Демоны глухонемые*. Проживавшая в Коктебеле тетка Василия Леонидовича Елена фон Теш–Паскина, содержательница популярной столовой в бывшей винодель-

не своего отца у подножия “горы”, на которой стоял дом, вскоре после отъезда племянника в феврале 1918 г. из Феодосии домой, в Нижний Новгород, также насовсем уехала из Крыма, в Сухуми. В годы Гражданской войны оставшийся без присмотра дом фон Теша был полностью уничтожен.

Симптоматично, что в публикуемом ниже письме к Волошину от 1919 г. Комарович вспомнил о Коктебеле “как о пригрезившемся когда-то и утраченном рае”. Именно так “закрепилась в культурной памяти” страны русская помещичья усадьба средней полосы, потому что “ее наиболее емким метафорическим выражением был райский сад”. “Текстом–кодом” магистральной линии русской классической литературы, питавшейся соками ‘усадебной культуры’ XVIII – начала XX в., стала “известная архетипическая легенда об изгнании из рая” (Щукин 2007: 318). Ну, а в революционные годы тема ‘утраченного рая’ и разрушаемых семейных гнезд звучала особенно актуально. Обрисованный эпизод из истории крымской литературной жизни позволяет разглядеть в усадебно–дачном комплексе Коктебеля первых десятиле-

⁴ Л.Л. Комарович [О Коктебеле и Волошине], *Письмо к В.П. Купченко от IX. 1978 // Дом–музей М.А. Волошина (ДМВ), Инв. № А 287, Рукопись, 8 л.*

тий XX в. одно из ответвлений традиционной для всей России культурной грибницы, подарившей миру неувядающие плоды художественного творчества и гуманитарной науки.

О позднейших встречах Комаровича и Волошина сведения отсутствуют. Тем не менее известно, что достоевсковедческие работы ученого знаменитому поэту были знакомы. Так, Комарович в Коктебеле надписал Волошину оттиск своей ранней статьи *Достоевский и "Египетские ночи" Пушкина* (См.: Купченко 2007: 27). Намного позже, в письме к М.С. Альтману от 12 января 1931 г., Волошин признавался: "[...] очень много мне дала (из фактического материала) статья В. Комаровича в долининском сборнике о Житии Великого Грешника (См.: Комарович 1922)" (Волошин 2015: 244–245). Учитывая многолетний серьезный интерес Волошина к творчеству Достоевского, можно предположить, что контакты поэта и ученого по этой теме не ограничились сохранившимися свидетельствами. При изучении их "достоевских" дискурсов наверняка можно обнаружить переклички и взаимовлияния, но это задача отдельного исследования. Во всяком случае,

очевидно, что важная историко-литературная тема "Волошин и Достоевский" не может быть полностью раскрыта без учета рецепции поэтом работ Комаровича.

Наконец, при чтении писем стоит обратить внимание на восходящую градацию в обращении автора к адресату: в первом письме церемонное "Глубокоуважаемый Максимилиан Александрович", во втором – нейтральное "Дорогой Максимилиан Александрович", в третьем – дружески-родственное "дорогой Макс". Так как письма написаны уже после периода интенсивного общения, то, по видимому, передают те модулы, которые присутствовали во взаимоотношениях знаменитого поэта и его молодого собеседника в прежнее время. С другой стороны, отмеченная динамика может быть понята как маркер изменения отношений в сторону сближения, доверительности.

Публикуемые ниже письма хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН. Ф. 562. Оп. 3. № 677. 4 лл.). Впервые они частично напечатаны в издании: Купченко 2007: 42, 44, 82. Затем А.В. Лавровым в коммен-

тариях к изданию: Волошин 2013: 271⁵.

Нижний Новгород

17. III. 1918 г. н<овый>
с<тиль>

Глубокоуважаемый Максимилиан Александрович!

Я очень жалел и жалею, что перед отъездом не видел Вас в Феодосии. Мне очень хотелось иметь все Ваши стихотворения последнего периода. Часть их, правда, у меня имеется (*Demetrius Imperator* и *Максимилиан Робеспьер*). Мне пришлось уже несколько раз читать их здесь среди нижегородского общества, они имели большой успех. Местные ка-деты выхлопотали себе разрешение издавать газету («Нижегородская речь»), и будущий редактор ее очень просил для нее эти Ваши стихотворения. Я был бы чрезвычайно Вам благодарен, если бы Вы прислали мне и все остальные Ваши пиесы

⁵ Работа выполнена в ИМЛИ РАН за счет средств гранта РФФИ № 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

будущего сборника *Демоны глухонемые*.

Напишите также, каково Ваше отношение к предложению «Нижегородской речи»⁶. От себя скажу, что это будет, конечно, скромная провинциальная газетка.

Привет Елене Оттобальдовне и всем коктейльцам.

В. Комарович.

Нижний Новгород.

Мистровская
соб<ственный> д<ом>

Нижний Новгород,

апрель <1919>

Пользуюсь ‘оказией’, чтобы послать это письмо и узнать, живы ли Вы, дорогой Максимилиан Александрович, и в Коктебеле ли Вы? Бездна времени отделяет меня от дней, проведенных когда-то в Коктебеле, – когда создавались Ваши *Демоны глухонемые* и по вечерам Вы читали мне написанное за день.

Если Вы не совсем забыли меня и это время, напишите. Это было бы

⁶ Газету под названием «Нижегородская речь» не удалось найти ни в одном справочнике. По-видимому, намечавшееся издание не состоялось.

счастьем, – получить письмо из Коктебеля, узнать, что Коктебель остался Коктебелем. Я не берусь передать Вам сейчас, какое это было бы счастье. Мы говорим здесь и думаем о Коктебеле как о пригрезившемся когда-то и утраченном рае.

Итак, дайте о себе весть, откликнитесь!

Это будет восхитительно и почти чудесно.

В. Комарович.

Адрес: Крым, Феодосия, Коктебель.

Максимилиану Александровичу Волошину.

от В. Комаровича

Н. Новгород, Мистровская 14.

<Почтовая открытка. На штемпеле в Коктебеле – 15 июня 1919 г.>

Пишу Вам, дорогой Макс, в надежде, что Вы в Коктебеле; а иначе – что же такое и Коктебель?

Хочется знать о Вас, Коктебеле и коктебельцах...

Не поспешите несколькими минутами, напишите мне о себе. Если можно будет, непременно приеду. Но прежде надо хоть что-нибудь знать о всех вас. Итак, жду с нетерпением Вашего ответа.

В. Комарович.

Библиография

Богданова 2014: О.А. Богданова, А.Г. Достоевская и В.Л. Комарович: *Диалог 1917 г.*, «Русская литература», 2014, 3, с. 196–200.

Волошин 2008: М.А. Волошин, *Собрание сочинений: В 13 тт.* (17 кн.), Эллис Лак, М., 2000, 2008, т. 7, кн. 2.

Волошин 2009: М.А. Волошин, *Собрание сочинений: В 13 тт.* (17 кн.), Эллис Лак, М., 2009, т. 8.

Волошин 2010: М.А. Волошин, *Собрание сочинений: В 13 тт.* (17 кн.), Эллис Лак, М., 2010, т. 9.

Волошин 2013: М.А. Волошин, *Собрание сочинений: В 13 тт.* (17 кн.), Эллис Лак, М., 2013, т. 12.

Волошин 2015: М.А. Волошин, *Собрание сочинений: В 13 тт.* (17 кн.), Азбуковник, М., 2015, т. 13, кн. 2.

Жарков 2008: Е.И. Жарков, *Страна Коктебель. Культурные очаги. Середина XIX – середина XX веков*, Болеро, Киев, 2008.

Комарович 1922: В.Л. Комарович, *Ненаписанная поэма Достоевского* // А.С. Долинин (ред.), Ф.М. Достоевский. *Статьи и материалы*, Сб. I, Мысль, СПб., 1922, с. 177–207.

Купченко 2007: В.П. Купченко, *Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1917–1932*, Алетейя, СПб., Сонат, Симферополь, 2007.

Щукин 2007: В.Г. Щукин, *Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей*, РОССПЭН, М., 2007.

